Рассказ о том, как бывшие колымские зеки обсуждали «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына

(Продолжение. Начало на стр. 6).

- Если эта книга и не рекордная по лживости, то автор уж точно чемпион по количеству полученных сребреников, - сказал я.

- Верно! - сказал Романов. - Он, пожалуй, самый богатый антисоветчик... Вот теперь я знаю, что писать любимому племяннику. Всем спасибо за помощь! Теперь пошли в кино смотреть Штирлица.

На следующий день рано утром я поспешил на первый автобус, чтобы успеть на самолет, вылетающий рейсом Магадан-Певек.

*) Чтобы быть точным в цитатах, я взял их из текста «Архипелага», напечатанного в журнале «Новый мир» за 1989 г.

N 10 стр. 96, N 11 стр. 75, N 8 стр. 15 и 38, N 10 стр. 116, N 11 стр. 66.

«Военно-исторический журнал» начала 1990-х годов - совершенно одиозное издание. Возглавляемый красно-коричневым генералом В.Филатовым, «ВиЖ» был рупором самых крайних коммунистических держиморд того времени, уже наполовину превратившихся в русских националистов и шовинистов в ранге погромщика с кистенем.

Вместе с тем нельзя не признать, что журнал почти в каждом номере печатал ценнейшие исторические документы из недоступных ранее архивов царской охранки, ВЧК-НКВД-КГБ, советской армии и проч., а также мемуары ценных свидетелей важнейших событий.

К таким последним мы отнесли бы опубликованные в «ВиЖ» в 1990 г. (NN 9-11) воспоминания о Солженицыне ныне покойного Леонида Александровича Самутина, близко знавшего «великого писателя земли русской».

В отличие от Солженицына, до посадки боготворившего Ленина, а после отсидки заискивавшего перед «нашим дорогим Никитой Сергеевичем», Самутин - убежденный, твердый антикоммунист.

«Бывший власовец, - пишет автор предисловия в «ВиЖ» капитан 2-го ранга С.Ищенко, - ...отсидевший после войны свой срок в воркутинском лагере, диссидент, он, по сути, был соавтором некоторых страниц «Архипелага ГУЛАГ». В семидесятые годы по просьбе Солженицына прятал у себя рукопись от КГБ. Понятное дело, случайным людям такое не поручают».

Затем, однако, получше узнав «Исаича», Самутин разобрался, с кем он имеет дело и написал посвященную Солженицыну книгу «Не сотвори кумира». «ВиЖ» начал ее печатать, но после трех публикаций печатание было остановлено, насколько мне помнится, по требованию наследников Л.А. из-за конфликта по поводу авторских прав на это произведение.

В нижеследующем отрывке Самутин размышляет, не был ли Солженицын лагерным осведомителем, и приходит к однозначному выводу: был!

Мы не станем утверждать, что вывод Самутина - правда в последней инстанции. Пусть читатель сам взвесит его аргументы и задумается над ними. Меня, во всяком случае, они убедили абсолютно.

В.Коваленко

В биографии Солженицына есть темные пятна. Он отчетливо понимает их значение, и они его беспокоят. Он предпринимает усилия забелить их. Но не только забелить, но и заставить их служить ему, помогать достижению той главной цели, которую он поставил перед собой в жизни, - его личному возвеличению.

Делая признания в некрасивых и даже просто мерзких поступках, он или находит им объективные оправдания, или взывает к милосердию читателя, растроганного предыдущими описаниями. Либо, наконец, рисуется своим бесстрашием и приверженностью «великой традиции русского покаяния». При этом Солженицын, кажется, уверен, что не найдется человека, способного возразить ему по существу. Он убежден, что большинство промолчит из-за незнания фактической обстановки (не все же сидели!). Другие, знающие, промолчат из пиетета. Третьих уже просто нет. Но не все еще «ушли», и не все сохранили ту всепрощающую почтительность, которая так необходима для скромного молчания даже тогда, когда можно возразить и решительно не согласиться.

Вот одна из подобных ситуаций.

Солженицын рассказывает о вербовке его в лагерные осведомители - «стукачи».

«В этой главе не хватает материала. Что-то неохотно рассказывают мне лагерники, как их вербовали. Расскажу же о себе».

Когда я первый раз прочитал этот отрывок еще в том злополучном машинописном экземпляре, который у меня был изъят, я загорелся: вот-вот, сейчас будет рассказ о том, как блестяще Солженицын «отбрил» оперуполномоченного, как послал он его туда, куда мы сами друг друга посылали так часто, как он подвергся потом гонениям и преследованиям мстительного чекиста за свою твердость и мужество.

Я читаю его рассказ о вызове к лагерному оперуполномоченному в том небольшом лагерьке, который был тогда в самом сердце Москвы, на тогдашней Калужской. Полное драматизма и напряженности описание обстановки «беседы» под тихо струящуюся музыку включенного трофейного «Филипса». Переживания самого автора, поведение хозяина кабинета - оперуполномоченного - захватывают читателя, обращают все симпатии на беззащитного «зека» - автора тех строк. Но следует совсем неожиданный финал.

После угрозы оперуполномоченного «загнать» в северные лагеря Солженицын думает: «Страшно-то как: зима, вьюги да ехать в Заполярье. А тут я устроен, спать сухо, тепло и белье даже. В Москве ко мне жена приходит на свидания, носит передачи... Куда ехать, зачем ехать, если можно остаться?»

Следует рассказ о «томлении духа» и... буквально непостижимом решении - купить себе временное и относительное благополучие прямым предательством.

Позволю себе напомнить некоторые, может быть, неизвестные современному читателю, но стопроцентно ясные для тех, кому в 1946 году было более пятнадцати-шестнадцати лет, детали времени.

Став осведомителем, человек утрачивал последние остатки личной свободы, своего «я». Его показаний было достаточно, чтобы любого начали считать подозрительным, лишили доверия, выдернули оттуда, где «спать сухо, тепло и белье даже», где жены приходят на свидания и носят передачи...

Лагерное начальство знало, как нелегко завербовать в осведомители человека с совестью и честью. Может быть, поэтому вербовка Солженицына последовала только после его пресловутого «Заявления»?

Так или иначе, она состоялась. Испугавшись «зимы, вьюг, Заполярья», Солженицын идет на то, о чем сам он рассказал: на подписание обязательства доносить и на выбор стукаческой клички «Ветров».

Мне доводилось слышать споры, был ли Солженицын осведомителем лагерной администрации или ему и вправду удалось перехитрить всех и не сделать ни одного доноса.

К этому вопросу мы еще вернемся, но уместно подумать и о другом. Допустим, произошло чудо и Солженицын никого не заложил. Но кто мог гарантировать под музыку трофейного «Филипса», что завтра же Солженицыну не придется «стучать» на лучшего друга или «продавать» собственную жену? Что опер и все его начальники окажутся полными лопухами, что будут нарушены все правила и инструкции только для того, чтобы Ветров остался чист?

Никто, конечно.

Однако вот что любопытно. Рассказ этот воспринимается по-разному. Люди, безоговорочно верящие Солженицыну и знающие лагерный мир только с его слов, даже не чувствуют вины Александра Исаевича. Старые лагерники видят тут другое. Их поражает легкость сдачи человека, который потом, годы спустя, задним числом, сделает заявку на необыкновенное геройство.

То, что рассказано дальше, уже совсем не принимается лагерным умом, отвергается им как нечто вовсе несообразное.

«В тот год я, вероятно, не сумел бы остановиться на этом рубеже... Но что-то мне помогло удержаться... (Ветров, по-видимому, знал, давая подписку, что обязательно объявится этакое «что-то»). При встрече Сенин (лагерный надзиратель, резидент оперуполномоченного ГБ. - Наше примечание) понукал: Ну? Ну? Я разводил руками: ничего не слышал... А тут меня по спецнаряду министерства выдернули на шарашку. Так и обошлось. Ни разу больше не пришлось подписаться «Ветров».

Этот рассказ, конечно, рассчитан на людей совершенно несведущих - таких большинство среди читателей, и с годами их число будет все увеличиваться. Но мы, обломанные лагерями старые «зеки», твердо знаем: такое было невозможно! Нельзя поверить, чтобы, дав подписку «стучать», от опера можно было так легко отделаться. Да еще как отделаться? Переводом на привилегированное положение в особый, да еще и сверхсекретный лагерь! Кому он это рассказывает? Заявляю: подобная нелепость была совершенно невозможна, она находится в вопиющем противоречии с незыблемым лагерным законом - «зеку» не спускается даром ничего, никакое малое нарушение. Как же могло пройти ненаказанным такое ужасное преступление, как вероломство с подпиской на стукачество? Да какой же опер мог допустить такой «брак» в работе? Он подчиненное и подотчетное лицо, его проверяют. К чему подставлять свою собственную шею за этого мерзавца? Никогда такого не было и не могло быть. А что касается «мер воздействия» на нерадивого, то это - пожалуйста, сколько угодно, хоть и до второго срока под любым предлогом.

Рассказ Солженицына поражает уж не своей несообразностью, а наивностью автора в том, что он серьезно думает кого-нибудь обмануть такой «байкой».

Как же технически осуществлялся перевод заключенного из лагеря в лагерь по так называемому «спецнаряду»? Этот документ о переводе - спецнаряд - приходит из Управления лагерей и поступает к начальнику местного лагеря. Но никак не минует и оперуполномоченного, без визы которого в действие приведен быть не может. Характеристику на переводимого пишет он же. С плохой характеристикой нельзя переводить заключенного в привилегированный лагерь. А хорошую характеристику на взявшего обязательства и кличку получившего, а потом напло уклонившегося от этого дела какой оперуполномоченный напишет? Где найдется такой дурак?

Вот и получается, что перевели Солженицына в шарашку только потому, что оперуполномоченный написал нужную характеристику, дал «добро» на перевод. Не надо больше разжевывать, чтобы объяснить, что означало такое «добро» в той ситуации, которую так неосторожно рассказал сам Солженицын.

Но это еще не все. Ведь письменное обязательство «стучать» не пропадает бесследно. Оно вшивается в «дело» заключенного и следует за ним всюду, куда бы тот ни попал. Эта каинова печать прилеплена к нему на веки вечные. И, прибыв на шарашку, он непременно попадает в цепкие лапы теперь уж другого опера. Даже если допустить, что в прежнем лагере на Калужской Солженицыну и удалось совершенно безнаказанно «отвертеться» от тамошнего опера (а это совершенно невероятно!) и тем не менее попасть на шарашку, то уж там-то с такой бумагой, подшитой в его личном деле, он никак не мог избежать специального внимания.

О том, как на шарашке Солженицын «сумел» уклониться от своей новой службы, мы, к сожалению, не знаем. Об этом он почему-то в «Архипелаге» не распространился...

Вернемся-ка к началу нашего рассказа об этом скользком эпизоде жизни Александра Исаевича. Вот он сказал:

«Что-то неохотно рассказывают мне лагерники, как их вербовали».

Сказал и не подумал, что он ведь плюнул в лицо тысячам и тысячам честных старых лагерников! «Неохотно рассказывают» - это, значит, боятся, не хотят рассказывать? Значит, у них совесть нечиста? Тоже, значит, давали подписку и «стучали»? Так, что ли? По Солженицыну выходит - только так.

А спрашивал ли он? Много ли он об этом спрашивал старых лагерников, с которыми беседовал? Мне так думается, что он их совсем не спрашивал о том, как их вербовали и вербовали ли их вообще, потому что ему неприятно было бы услышать рассказы о том, как люди устаивали, не сдавались, оставались чистыми на весь лагерный срок, не боялись преследований лагерного начальства.

Вот мне он не задал такого вопроса. Спросил о власовщине, о пополнениях в воркутинских лагерях летом 1953 года, а вот о том, вербовали ли меня и как это было, не спросил. Постеснялся, может быть. А может, не хотелось? Напрасно. Кое-что, не лишенное для него интереса, услышал бы.

Не знаю только, устроил ли бы Александра Исаевича мой рассказ. Ведь он прямое доказательство невозможности версии автора «Архипа». Я тоже был отобран для «спецнаряда», т. е. перевода в таинственную «шарашку». Работал я тогда в т.н. геотехнической конторе, и мой начальник профессор Баженов - тоже заключенный - давал уже напутствия, кому кланяться от его имени в Останкино (именно там находилась «марфинская» шарашка). Словом, все было готово для того, чтобы нам с А. И. познакомиться на двадцать лет раньше...

Но путь на завидный этап лежал через кабинет старшего лейтенанта Воробьева - оперативного уполномоченного. Я получил предложение о сотрудничестве и, несмотря на уговоры, длившиеся целый день, отверг его. (Заполярья я не боялся, поскольку и без этого уже находился в нем!) В результате я никуда не уехал, вскоре вылетел из моей благополучной научной конторы, да не куда-нибудь, а в подземелье, в шахту при каторжанском лагере, и почти до самого конца срока, добрых семь лет, ощущал чью-то «заботливую руку».

Десятки подобных же лагерных судеб могу рассказать. Но ни разу не слышал, чтобы «саботажников» и «дезертиров» (а именно таким должен был выглядеть А. И. в глазах начальства) поощряли переводом на «райские острова».

Я недолго оставался одиноким в своих подозрениях. И попал в компанию, которой, признаюсь прямо, горжусь. В руках у меня статья 90-летнего М. Якубовича, одного из 227 «соавторов» Солженицына по «Архипелагу», расписанного в этой книге на целых восьми страницах. М. Якубович - правнук декабриста А. Якубовича, видный меньшевик, один из главных обвиняемых нашумевшего в 1930 году процесса по делу так называемого Союзного Бюро Меньшевиков.

Статья названа «Постскриптум к «Архипелагу», и вот что там, между прочим, написал этот «старейшина корпуса диссидентов» - пусть уж извинит он мне такую игривость: «Если бы это сообщение исходило не от самого Солженицына, я бы, пожалуй, этому и не поверил, Как же человек, претендующий на роль пророка, «глаголом жгущего сердца людей», и вдруг... секретный осведомитель органов ГПУ! Того самого ГПУ, которое он всячески поносит в «Архипелаге»! Несовместимо...

Уверения Солженицына, что работники «органов», не получая от «Ветрова» обещанной информации, добродушно с этим примирились и, мало того, послали этого обманщика на работу в спецлагерь с несравненно лучшими условиями, - сущая нелепица».

Якубович дает ответ и на другой, занимавший и меня вопрос: для чего понадобилось Солженицыну это полусаморазоблачение?

«Мне кажется, что это психологически объяснимо. Покрытый на Западе славой неустрашимого борца против «варварского коммунизма», сидя на мешке золота... Александр Солженицын все-таки не знает покоя. Его, несомненно, обуревает страх, и «мальчики кровавые» ему мерещатся - те самые мальчики, на которых он доносил. А вдруг КГБ выступит с разоблачениями и опубликует во всемирное сведение тайну «Ветрова» - каков будет удар для нравственной репутации «пророка» и лауреата? Так не лучше ли упредить, перехватить, подать разоблачение в своей версии, в своей интерпретации? Его логика проста: да, я был секретным осведомителем, но в действительности я никаких доносов ни на кого не делал. Мне «удалось» избежать выполнения принятых обязательств, и доказательством этого как раз и является мое выступление с саморазоблачением.

Такова, на мой взгляд, психологическая причина саморазоблачения Солженицына».

Вот мнение старого лагерника, чей срок заключения измерялся не годами, как мой, а десятилетиями, а жизненный опыт пропорционален возрасту!

Л.А. САМУТИН

Источник - http://samlib.ru/r/rjurikow_i_s/solzhenizsyka.shtml

Учредитель партия КПЕ. Свидетельство ПИ № 77-16141 от 11.08.2003 г. Адрес: Москва, Смоленская набережная, д. 2, кв. 55, тел.: 8-906-736-94-16, 8-499-248-74-24.
Редакционная коллегия: Шаталов Роман Олегович, сайт: www.kpe.ru
Газета печатается в Москве - тел. 8-499-248-74-24; Владивостоке - тел. 8-908-991-55-33; Калининграде - тел. 8-911-488-38-69; Благовещенске - тел. 8-914-538-85-94; Новосибирске - тел. 8-913-710-80-78; Нижнем Тагиле - тел. 8-912-645-43-02; г. Кстово Нижегородской области – тел. 8-920-010-22-21; Липецке - тел. 8-951-303-37-37